

Стихотворения Владислава Горчакова

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 2. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1838 -- январь 1840.

Ред. Н. К. Гей. Подготовка текста В. Э. Богграда. Статья и примеч. В. Г. Березиной.

М., "Художественная литература", 1977.

[OCR Бычков М. Н.](#)

СТИХОТВОРЕНИЯ ВЛАДИСЛАВА ГОРЧАКОВА. Москва. В тип. Августа Семена, при императорской Медико-хирургической академии. 1839. В 8-ю д. п. 42 стр. (из них 4 занимает оглавление и 8 чистых).

Признак *разумности* всякого явления есть его *необходимость*, тогда как, наоборот, признак *бессмысленности* всякого явления есть его *случайность*. Закон этот всего разительнее выказывается в произведениях ума и творчества человеческого. Вы читаете роман Вальтер Скотта, знаете, что это вымысел, что ничего этого не было; но между тем принимаете в рассказанном событии такое живое участие, как будто бы оно связано с собственною вашею жизнью; вы любите его героев или ненавидите их, как будто бы они вам знакомы, будто бы вы их видели, знаете их в лицо; прочтя роман, вы продолжаете его в своей фантазии, думая, что случилось с тем и другим лицом, как начало после того жить то и другое лицо. Отчего это? -- оттого, что тут все необходимо, то есть что все события вытекают из индивидуальностей действующих лиц, их личностей и характеров, всей их *непосредственности*, и из взаимных их положений и отношений друг к другу; оттого что автор не положил тут ни одной *случайной* черты, ни одного *произвольного* штриха, которые можно было бы выскоблить без ущерба и искажения целого; но все его черты, до малейшего штриха, *необходимы*, следовательно *разумны*, а потому неизменны и незаменимы. Но не таковы некоторые петербургские и московские романы: и в них, по-видимому, все естественно, все оправдывается известными и достаточными причинами; но вы, назло собственному рассудку и самим себе, как-то не признаете очевидности этих причин; но вас оскорбляет самая простота и естественность этих событий, которые, по прочтении, смутно, хаотически бродят в вашей памяти, как несвязные отрывки какого-то тяжелого и нескладного сна¹, которого вы не можете себе ясно припомнить, как ни сильтесь. Отчего это? -- оттого, что все эти события произошли и явились сами по себе, без всякого соотношения к действующим лицам, без всякой зависимости от них, и это опять не случайно, а по причине, потому что эти действующие лица не суть субъективные определения, возникшие из зерна самой в себе замкнутой (чтоб не сказать немецким словом -- *конкретной*) мысли, носящие в самих себе, а не вне себя свою *необходимость* или *разумность*, но безличные призраки, слепленные чрез внешнее слепление отвлеченных признаков, и потому чисто *случайные* и *произвольные*. Точно так же, посмотрите: вот стихи; они просты, как обыкновенная разговорная речь, чужды пестроты и яркости цветов и красок; но вы невольно останавливаетесь над ними; но вы навсегда знаете их, если раз узнали, и иногда, прочтя нечаянно и без внимания, вспоминаете и помните их уже после прочтения, к собственному своему удивлению: значит, что в них все *необходимо*, что в них один стих ведет за собою другой и что не рифма, а внутренняя, невидимая связь с первыми стихами условливает последние; не зная второй строфы, вы узнаете ее, когда прочтете, как будто бы прежде знали ее, и вы безошибочно сами угадываете, что вот этим стихом оканчивается вся пьеса. Напротив, у иного поэта стих и гладок, и звучен, и громок, образы поразительны своею новостью и смелостью, мысль основная ярка и цветиста, а между тем вам не хочется прочесть этих стихов, которыми вы, при первом чтении, может быть, восхищались; даже и не переставая удивляться им, вы никак не можете удержать их в памяти, а если и достигаете этого, то усилием, и притом так, что беспрестанно забываете; вам все кажется, что чего-то недостает в них; несмотря на их высокое, по вашему мнению, достоинство, в них есть что-то странное: это *что-то* есть *произвольность*, *случайность*; не сами собою сошлись эти стихи, вызванные волшебным скипетром чародея-поэта, нет, их свел насильно, за ворот или напряженный, неестественный восторг, как бы от приема опиума или дурмана, или конечная воля и самолюбие, при сильном труде; они могут быть исправлены, переправлены, изменены, переменены, потому что не *динамическою* самодеятельною силою из ничего являющегося духа созданы они, но сделаны механическим расчетом, обдуманном соображением. *Истинный* поэт, когда пишет, видит перед собою все свое стихотворение в его целостности; ложный, написавши два первые стиха с раза и